

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ПУТЕШЕСТВИЯ В КОРЕЮ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

© 2019 г. Е.А. Ключикова

*Пермский государственный национальный исследова-
тельский университет, Пермь, Россия*

Дата поступления статьи: 27 июля 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-126-137

Аннотация: Статья представляет собой обзор русских травелогов о Корее второй половины XIX в. «Открытая» для русской литературы И.А. Гончаровым, Корея представляла интерес для отечественных путешественников как страна, занимающая срединную позицию между Китаем и Японией. В конце 1870-х гг. путешествия в Корею интенсифицировались. Помимо отчетов официальных делегаций появились дневники частных путешественников, в том числе писателей (Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Л. Серошевский). Авторы демонстрируют имперский взгляд на Корею, продиктованный отношениями между двумя странами. В статье представлены два аспекта, в которых Корея и корейцы изображаются в русских травелогах. Первый связан с идеей возраста народов, впервые представленной в книге И.А. Гончарова. Корейцы предстают как народ, находящийся в стадии младенчества. Второй аспект близок первому — как и другие народы Востока, корейцы изображены застывшими во времени. Н.Г. Гарин-Михайловский указывает на замершее состояние корейской культуры. Тем не менее, по мысли писателя, «младенчество» и неподвижность не являются вечными. Развитие Кореи ряд авторов травелогов (в том числе зарубежных) связывают с усилением русско-корейских отношений.

Ключевые слова: травелоги, путевая литература, Корея, романтическая образность, И.А. Гончаров, Н.Г. Гарин-Михайловский, постколониальная критика, мифопоэтика.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Ключикова — преподаватель, кафедра русской литературы, ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15, 614990 г. Пермь, Россия. ORCID ID: 0000-0003-0650-9126

E-mail: nese91@gmail.com

Для цитирования: Ключикова Е.А. Путешествия в Корею в русской литературе второй половины XIX в. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 126-137. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-126-137

RUSSIAN TRAVELOGUES ABOUT KOREA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019, E.A. Kliuikova

Perm State National Research University, Perm, Russia

Received: July 27, 2019

Date of publication: December 25, 2019

Abstract: The article is a survey of Russian travelogues about Korea written in the second half of the 19th century (N. Przhevsky, P. Delotkevich, A. Krasnov, N. Garin-Mikhailovsky, V. Seroshevsky). First “discovered” by Ivan Goncharov, Korea was of interest to Russian travelers and writers because of its intermediate position between China and Japan. Besides reports of the official delegations, there appeared travelogues written in the form of private diaries; some of the latter belonged to the pen of Russian authors (N. Garin-Mikhailovsky, V. Seroshevsky). These travelogues reveal the imperial attitude to Korea affected by diplomatic relations between Russia and Korea. The article focuses on the two aspects of the representation of Korea and Koreans in the travelogues. The first one concerns the notion of the age of the nation first introduced by Goncharov. The travelogues describe Koreans as a nation at the age of infancy. The other aspect is related to the common Orientalist view on the non-Western nations seeing them as rigid and not capable of development. Garin-Mikhailovsky nevertheless discusses the ways Koreans could both “grow up” and develop their potential. The writer explicitly connects Korean “growth” and “development” with the evolution of Russian-Korean political relations.

Keywords: travelogues, travel literature, Korea, Romanticism, I.A. Goncharov, N.G. Garin-Mikhailovsky, postcolonial critics, mythopoetics.

Information about the author: Ekaterina A. Kliuikova, Lecturer, Perm State National Research University, Bukireva 15, 614990 Perm, Russia. ORCID ID: 0000-0003-0650-9126.

E-mail: nese91@gmail.com

For citation: Kliuikova E.A. Russian Travelogues about Korea in the Second Half of the 19th Century. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 4, pp. 126–137. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-126-137

Дальневосточные травелоги составляют значительную часть литературы путешествий второй половины XIX в. Укрепление позиций России на Дальнем Востоке, установление дипломатических контактов с открывающейся для иностранцев Японией, а также развитие российского востоковедения повлияли на популяризацию жанра путевых очерков и этнографических заметок, написанных исследователями дальневосточных территорий.

На протяжении практически всего XIX в. Корея была закрыта для Запада. Эпизодических визитов иностранных миссионеров и путешественников было недостаточно для развития отношений Кореи с европейскими государствами. Христианство, к середине XIX в. уже значительно распространившееся среди корейцев, тем не менее преследовалось властями. Кроме того, в 1860 — начале 1870-х гг. в Корею проводилась целенаправленная изоляционистская политика. К концу 1870-х гг. внешняя политика Кореи сменилась в направлении большей открытости, что отразилось и на количестве текстов путешествий.

Эпизодические контакты русских и корейцев имели место со второй половины XVII в. [11, с. 5]. Однако регулярными и фиксируемыми эти контакты стали, очевидно, с 1854 г., когда эскадра Е.В. Путятина проходила мимо Корейского полуострова, и некоторые участники экспедиции высадились на корейское побережье. Этот эпизод был описан во втором томе романа-путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова. В 1870 г. опубликован путевой очерк Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г.», в котором он описывает посещение приграничного корейского города Кыген-Пу. В 1880–1910-х гг. появился целый ряд произведений, авторами которых стали участники различных исследовательских

экспедиций: А.Н. Краснов, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Л. Серошевский и другие. Путешественников интересовала не только география и хозяйственная деятельность жителей Кореи, но и корейская культура: религия, мифологические представления и фольклор. Значительная часть текстов о Корее является официальными отчетами различных гражданских и военных чиновников. К подобным текстам относятся «Краткое описание пути, пройденного по Корее в 1889 году Генерального штаба подполковником Вебель», «Краткий очерк современного состояния Кореи князя Дадешкалиани, состоящего при канцелярии приамурского генерал-губернатора» (1885) и другие. Несколько отстоит и от официальных отчетов, и от записок участников-экспедиций опубликованный в 1889 г. «Дневник Павла Михайловича Делоткевича на пути пешком из Сеула в Посьет через Северную Корею (с 6 декабря 1885 г. по 29 февраля 1886 г.)». Дневник П.М. Делоткевича представляет собой документальный текст, по-видимому практически не подвергавшийся литературной обработке. Он транслирует те же представления о Корее и корейцах, что и тексты других авторов.

Таким образом, первые упоминания о Корее в русской литературе целиком относятся к сфере литературы путешествий. Именно путевая литература, как правило, создает первое впечатление при освоении новой культуры. В связи с этим литературе путешествий уделяется особое внимание в сфере постколониальных и постимперских исследований литературы [13, с. 5].

Попытку выделить «ориентальный травелог» как отдельный жанр предпринимает П.В. Алексеев. Вслед за западными исследователями путевой литературы он рассматривает дискурс травелога в контексте формирования национальной идентичности, что особенно характерно для России, занимающей особое положение между Западом и Востоком. Однако в фокусе исследования П.В. Алексеева оказываются тексты, относящиеся к так называемому «русскому ориентализму» — путешествиям на Кавказ [1].

Современные российские исследователи также в качестве движущей силы для создания текстов путешествий указывают государственную необходимость. Так, М. Балина выделяет в качестве источников жанра путешествия в русской литературы паломнические хождения и путевые отчеты петровской эпохи. На наш взгляд, большая часть дальневосточных путевых текстов второй половины XIX в. приближается ко второму типу произведе-

дений: «большая часть путевой литературы в петровский период создавалась как документ, отчет и не рассматривалась как литература» [2, с. 896]. Действительно, интересы России на Дальнем Востоке играли не последнюю роль и способствовали организации путешествий, на основе которых затем были написаны существующие травелоги.

Наиболее исследованной в России страной дальневосточного региона был Китай. Отношения с Китаем начали складываться еще в конце XVII в. Значительный вклад в изучение культуры Китая внесли участники Российской Духовной миссии, впервые прибывшей в Пекин в 1716 г. Помимо непосредственно миссионерской и дипломатической деятельности, они занимались и изучением истории и культуры Китая.

Стоит отметить, что Корея воспринималась, как правило, исключительно в сравнении с Китаем. Показательным для понимания представлений о Корее является высказывание архимандрита Палладия (П.И. Кафарова), участника двенадцатой и руководителя тринадцатой и пятнадцатой духовных миссий в Пекине. В отзыве на книгу «Путешествия в Уссурийском крае» Н.М. Пржевальского он заметил, что в языковом отношении Корею «можно назвать маленьким Китаем» [5, с. 20]. Позже В.Л. Серошевский в своей книге постоянно сравнивает увиденное в Корее с китайскими и японскими впечатлениями, утверждая, что эта страна является некой переходной формой: «Сравнение китайской, корейской и японской пищи еще раз подтверждает высказанное уже мною мнение, что Корея служила как бы передаточной станцией на пути китайского влияния на Японию. Из проникающих к ним обычаев и изделий японцы усвоили подходящие, которые затем, переделав, нередко возвращали обратно в Корею. Отсюда произошло здесь во всех областях жизни такое смешение и наслоение всевозможных остатков влияния и переживаний, что особые корейские черты утопают в них совершенно» [12, с. 71]. Невыраженность корейской самобытности отмечали и иностранные авторы. Британская путешественница Изабелла Бёрд Бишоп не отказывает Корее в оригинальности культуры, однако указывает на то, что Корея оказалась местом, над которым господствуют, соревнуясь между собой, западные и восточные империи. Описывая панораму Сеула в 1897 г., где на каждом холме располагаются здания иностранных дипломатических миссий, она отмечает, что «в каждой части города иностранцы, которых не допускали сюда до 1883 года, заставляют почувствовать своё присутствие и

разрушают всё корейское, что есть в корейской столице, медленным процессом контакта»¹ [14, с. 37].

На наш взгляд, имеется ряд аспектов, вокруг которых формируются впечатления путешественников о Корее и корейцах.

«Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова стал не только первым литературным текстом, «открывавшим» Корею, но в то же время и во многом определяющим взгляд будущих путешественников на «Страну утренней свежести». Одной из основных идей книги путешествия является оппозиция между двумя возрастными народами — «младенчество» и «зрелость». Все встреченные путешественником народы описываются исходя из этих возрастов. Китайцы и японцы для Гончарова представляются двумя основными народами «крайне восточного цикла» [4, с. 240], при этом они значительно отличаются друг от друга. Китайская культура однозначно определяется как «одряхлевшая», давно пережившая пик своего развития: «...при внешней активности отдельных китайских лиц китайская нация в целом поражена духовной стагнацией» [7, с. 210]. Образы Японии противоречивы — они связаны и с идеей «младенчества», и с идеей «старости»: «...оба периода сходны неосуществленностью человеческого потенциала» [7, с. 198]. Однако для Гончарова вся дальневосточная культура — «истощенная, непроходимо-заглохшая нива» [4, с. 243].

В данном контексте корейцы ставятся скорее в один ряд с японцами и ликейцами как народ, отчасти находящийся в состоянии младенчества. Корейцы изображены И.А. Гончаровым как дети, которые нуждаются в направлении более цивилизованных соседей: «Когда мы пытались заглянуть за забор или входили в ворота — какой шум поднимали корейцы! Они даже удерживали нас за полы, а иногда и толкали довольно грубо. Но за это их били по рукам, и они тотчас же смирялись и походили на собак, которые идут сзади прохожих, сгорая желанием укусить, да не смеют» [4, с. 243].

Подобное отношение к корейцам было характерно для всех последующих авторов путевой литературы. Так, А.Н. Краснов в очерках «По островам далекого Востока» (1895), указывая на отличия корейской культуры от японской и китайской, также отказывает корейцам в «цивилизованности»: «...цивилизация и культура дальнего Востока как будто только скользнули

1 Здесь и далее перевод с английского языка наш. — Е.К.

по поверхности у этого народа, оставив его на том же низком уровне, на котором стоят другие азиаты» [6, с. 438].

В этом же ряду находятся очерки «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг.» Н.М. Пржевальского. Путешественник посетил корейский приграничный город Кыген-Пу. Корейцы, очевидно, никогда прежде не видевшие русских солдат, проявляли неуместное для европейских путешественников любопытство: «Действительно, становилось уже несносным это нахальное любопытство, с которым вас рассматривают с ног до головы, шупают, берут прямо из кармана или из рук вещи и чуть не рвут их на части» [10, с. 114].

В дневнике П.М. Делоткевича примечательны эпизоды, в которых жители городов упрасивают путешественника застрелить на лету птицу: «Когда же я, наконец, вышел в дорогу, то масса народа провожала меня верст за 5, и все упрасивали меня застрелить сороку или ворону. Когда я доставил им это удовольствие, то они остановились и прокричали: “прощай”» [9, с. 33]; «По просьбе того же старшины я застрелил на лету ворону и тем возбудил всеобщий восторг» [9, с. 34]. Данные эпизоды, на наш взгляд, уместно сопоставить с рассказом Дж. Оруэлла «Как я стрелял в слона». Автобиографический герой Оруэлла, представитель колониальной власти, не выдерживает давления бирманцев, вынуждающих его застрелить слона. При этом он испытывает страх за свою жизнь и в то же время за свою репутацию: «Мне открылось тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе, превращается в претенциозную, насквозь фальшивую куклу, в некоего безликого сагиба — европейского господина. Ибо условие его владычества состоит в том, чтобы непрерывно производить впечатление на туземцев и своими действиями в любой критической ситуации оправдывать их ожидания» [8, с. 24].

Герой Оруэлла является представителем ненавистой для местных жителей власти, он видит в ситуации модель отношений завоевателей и завоеванных. При этом он чувствует свою вину «белого человека» перед бирманцами. Делоткевич, напротив, не имеет властных притязаний. Корейцы, требующие застрелить ворону, не испытывают страха перед путешественником. Ситуация знакомства с новым человеком для них — развлечение. Сходные обстоятельства, описанные в текстах Дж. Оруэлла и П.М. Делотке-

вича, во многом отражают разницу освоения новых, потенциально политически интересных территорий.

Другим способом изображения Кореи является метафора неподвижности, застывшей культуры, что в целом характерно для описания Востока. Подобное отношение мы встречаем в тексте Пржевальского, который удивляется, как корейцы — «неподвижные жители Востока» [10, с. 106] — нашли в себе решимость отказаться от прошлого и бежать в Россию.

Покой, неподвижность, застывшая жизнь являются одними из наиболее частотных характеристик корейского пейзажа и корейцев в книге Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову»: «...все тихо, неподвижно, и только изредка в засышающем воздухе раздастся вдруг мычанье громадного корейского быка. И кажется минутами наше пребывание здесь каким-то сном, очарованием, в котором мы все вдруг перенеслись в неведомую глубь промчавшихся тысячелетий. <...> Самый вид корейца — темно-пепельный, похожий на мумию, иконописный, говорит о промчавшихся над ним тысячелетиях. Кажется, коснется к этим ископаемым свежий воздух — и рассыплются они в прах» [3, с. 137].

В этом аспекте для литературы путешествий XIX в., кажется, нет значительной разницы между многочисленными «Востоками» — все они неподвижны, не тронуты культурой. Так, самоед, встреченный Гариным-Михайловским в Сибири, описывается таким же застывшим во времени: «Неподвижный, как статуя, в своем белом балахоне, таком же белом, как его лайка, его белый медведь, его белое море и белые ночи, безжизненные, молчаливые, как вечное молчание могилы. Не жизнь и не смерть, не сон и не бодрствование, не конец и не начало — какая-то мертвая полоса и в ней вымирающий самоед» [3, с. 81]. Тем не менее если народам Севера писатель не прочит ничего иного, кроме исчезновения, то для корейцев возможно развитие. Однако это развитие возможно только при условии грамотного руководства извне. В дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского таким руководителем для Кореи, безусловно, оказывается Россия.

Писатель выстраивает формулу отношений северных корейцев и русских, в которых Корея оказывается младшим братом России. Он неоднократно приводит слова корейцев об «араса» (так корейцы называют русских), характеризует это обращение как «ласковое». Писатель приводит свой диалог с корейским дворянином: «Я ответил, что корейцы народ спо-

собный, и раз начнут заниматься, то так же скоро, как и японцы, догонят европейцев.

- Северная Корея от России примет науку.
- Если Корея этого захочет, Россия считает корейцев братьями.
- Мы хотим, а как другие — мы не знаем» [3, с. 148].

Корейским крестьянам и сельским дворянам, с которыми, в основном, общался Гарин-Михайловский, Россия представлялась альтернативой Китаю и Японии. Она предлагала иной путь развития страны.

Примечательно, что упомянутая нами английская путешественница И. Бёрд Бишоп также связывает возможность развития Кореи с влиянием Российской империи. Она обращает особое внимание на проблему переселения корейцев в Российскую империю. Исследование этого вопроса побуждает ее посетить «Русскую Маньчжурию» [14, с. 223]. Положение корейских беженцев в России вызывает у нее удивление, поскольку различия в уровне жизни, образовании и даже темпераменте корейцев в Корее и корейцев в России оказываются весьма показательными: «Нужно иметь в виду, что это те люди (корейские переселенцы в России. — *Е.К.*), которые сами сделали из себя зажиточный фермерский класс, которые получили прекрасный характер производства и хорошее руководство, в отличие от русских полицейских чиновников, русских колонистов и военных, — не были исключительно трудолюбивыми и экономными людьми» [14, с. 236]. Бёрд Бишоп дает высокую оценку российскому руководству на подчиненных территориях как на Дальнем Востоке, так и в Центральной Азии, поскольку, по ее мнению, оно «поощряет формы местного самоуправления, которые подходят духу и привычкам разных людей, и доверяет времени, образованию и контакту с другими формами цивилизации заменить то, что является предосудительным в обычаях, религии и одежде» [14, с. 236–237]. По мнению автора, только российское управление способно превратить Корею в цивилизованную по европейским меркам страну.

Нетрудно заметить, что указанные нами контексты литературного освоения Кореи представляют эту культуру несколько однопланово. В текстах русских путешественников о Корее представлены традиционные мифологические представления корейцев, крестьянские бытовые реалии. В то же время многовековая литературная традиция Кореи не попадает в поле зрения русских авторов. Этому препятствовал, с одной стороны, глубокий

кризис (экономический, политический, культурный), в котором находилась Корея на протяжении всего XIX в., а с другой — принципиальная закрытость корейского образованного общества от западных иностранцев. Кроме того, сами маршруты путешествий ограничивали взгляд авторов — посещались либо приграничные территории, либо портовые города. Н.Г. Гарин-Михайловский, глубже, чем другие путешественники, изучивший Корею, оставляет пространство для дальнейших исследований, полагая, что в Корее осталось много неизведанного. Однако драматические события начала XX в. надолго вытеснили Корею в ряду дальневосточных стран из актуальных тем русской литературы.

Список литературы

- 1 *Алексеев П.В.* Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII — первой трети XIX века // *Филология и человек.* 2014. № 2. С. 34–46.
- 2 *Балина М.* Литература путешествий // *Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко.* СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.
- 3 *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 5. 719 с.
- 4 *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 3. 384 с.
- 5 *Кафаров П.И. (архимандрит Палладий)* О маньчжах и корейцах // *Известия Императорского Русского географического общества.* СПб.: [Б. и.], 1870. Т. 6. С. 19–24.
- 6 *Краснов А.Н.* По островам далекого Востока. СПб.: Изд. ред. «Недели», 1895. 443 с.
- 7 *Краснощёкова Е.А.* И.А. Гончаров: мир творчества. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012. 528 с.
- 8 *Оруэлл Дж.* Как я стрелял в слона // *Эссе. Статьи. Рецензии / пер. с англ.* Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. С. 20–27.
- 9 *По Корею: Путешествия 1885–1896 гг. / сост., предисл. и примеч. Г.Д. Тягай.* М.: Изд-во восточной лит., 1958. 292 с.
- 10 *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб.: Изд. авт., 1870. 297 с.
- 11 *Селищев А.С.* Русские и корейцы. Опыт первых контактов (1854–1884). СПб.: Нестор-История, 2013. 256 с.
- 12 *Серошевский В.Л.* В стране утреннего спокойствия. Путешествие по Корею в 1903 году. СПб.: Изд. ред. журнала «Всходы», 1905. 140 с.
- 13 *Ashcroft B., Griffith G., Tiffin H.* Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-colonial Literatures. Routledge: Taylor & Francis, 2002. 283 p.
- 14 *Bird Bishop I.* Korea and her neighbors. Revell: Murray, 1898. 488 p.

References

- 1 Alekseev P.V. Russkii oriental'nyi travelog kak zhanr putevoi prozy kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka [Russian oriental travelogue as a genre of the travel prose from the end of the 18th century to the 1st third of the 19th century]. *Filologiya i chelovek*, 2014, no 2, pp. 34–46. (In Russ.)
- 2 Balina M. Literatura puteshestvii [Travel writing]. *Sotsrealisticheskii kanon* [The canon of social realism], ed. by Kh. Giunter, E. Dobrenko. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 896–909. (In Russ.)
- 3 Garin-Mikhailovskii N.G. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 5. 719 p. (In Russ.)
- 4 Goncharov I.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. Vol. 3. 384 p. (In Russ.)
- 5 Kafarov P.I. (arkhimandrit Palladii) O man'tsakh i koreitsakh [About Manzi and Koreans]. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Imperial Russian Geographical Society Review]. St. Petersburg, 1870, vol. 6, pp. 19–24. (In Russ.)
- 6 Krasnov A.N. *Po ostrovam dalekogo Vostoka* [Around the islands of the Far East]. St. Petersburg, Izd. Red. "Nedeli" Publ., 1895. 443 p. (In Russ.)
- 7 Krasnoshchekova E.A. *I.A. Goncharov: mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: the world of his fiction]. St. Petersburg, Izd-vo "Pushkinskogo fonda" Publ., 2012. 528 p. (In Russ.)
- 8 Oruell Dzh. Kak ia strelial v slona [Shooting an elephant]. *Esse. Stat'i. Retsenzii* [Essays, articles, reviews], transl. from English. Perm', Izd-vo "KAPIK" Publ., 1992, pp. 20–27. (In Russ.)
- 9 *Po Koree: Puteshestviia 1885–1896 gg.* [Around Korea: Travelogues of the 1885–1896], comp., introd. and ref. G.D. Tiagai. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1958. 292 p. (In Russ.)
- 10 Przheval'skii N.M. *Puteshestvie v Ussuriiskom krae, 1867–1869 g.* [Travels in the Ussury Region, 1867–1869]. St. Petersburg, Izdanie avtora Publ., 1870. 297 p. (In Russ.)
- 11 Selishchev A.S. *Russkie i koreitsy. Opyt pervykh kontaktov (1854–1884)* [Russians and Koreans. Experience of the first contacts (1854–1884)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)
- 12 Seroshevskii V.L. *V strane utrennego spokoistviia. Puteshestvie po Koree v 1903 godu* [In the country of the morning serenity. Traveling to Korea in 1903]. St. Petersburg, Izdanie redaktsii zhurnala "Vskhody" Publ., 1905. 140 p. (In Russ.)
- 13 Ashcroft B., Griffith G., Tiffin H. *Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-colonial Literatures*. Routledge, Taylor & Francis, 2002. 283 p. (In English)
- 14 Bird Bishop I. *Korea and her neighbors*. Revell, Murray, 1898. 488 p. (In English)